

СТАЛИН И КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ: ПОПЫТКА ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Юрий Костяшов

ABSTRACT

The author attempts to reconstruct how Joseph Stalin viewed the future of the German province of East Prussian and its development within the USSR. The problems Moscow had formulating policy with respect to the newly annexed region are considered from the point of view of the conflicts between military and civil authorities. Newly discovered documents from central and local archives describe the history of the so-called Stalin Plan that outlined the development of the Kaliningrad region (1947). The results of the realization of “the Stalin Plan” are analyzed, the consequences to relations between Moscow and the Kaliningrad area are evaluated, and also their influence on the formation of Kaliningrad government structures is estimated.

KEY WORDS: Josef Stalin, views, East Prussia, Kaliningrad area, Stalin Plan, 1945–1948.

ANOTACIJA

Autorius siekia rekonstruoti Josifo Stalino požiūrio į Vokietijos provincijos – Rytų Prūsijos – ateitį ir jos vystymo(si) perspektyvas TSRS sudėtyje raidą. Nagrinėjamas Maskvos politikos naujai prijungtų žemių išsavinimo formavimasis, įvertinant karinės ir civilinės valdžios struktūrų konfliktus. Centrinuose ir vietos archyvuose naujai atrastų dokumentų pagrindu atkuriamas atsiradimas vadinamojo 1947 m. „Stalino plano“, skirto srities vystymui. Analizuojami šio plano įgyvendinimo rezultatai, įvertinamas jų poveikis tolesniems Maskvos ir krašto tarpusavio santykiams, taip pat jų įtaka Kaliningrado nomenklatūros formavimosi ypatumams.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: Josifas Stalinas, požiūris, Rytų Prūsija, Kaliningrado sritis, Stalino planas, 1945–1948.

*Jurij Vladimirovič Kostiašov, istorijos mokslų daktaras
Rusijos valstybinio I. Kanto universiteto (Kaliningradas)
Užsienio šalių ir tarptautinių santykių katedros profesorius
El. paštas: kostyashov55@gmail.ru*

Трудная задача постижения взглядов и мотивов поступков политиков и государственных мужей кажется и вовсе не выполнимой, когда речь заходит о таком специфическом персонаже XX века, как Иосиф Виссарионович Сталин. Пытаясь понять, что творилось в голове этого самого скрытного в мировой истории тирана, исследователь вступает на зыбкий путь догадок и предположений, уподобляясь дилетантам, играющим в исторические реконструкции. Их игры могут быть зрелищными и веселыми, но имеющими весьма отдаленное отношение к действительным историческим событиям.

И все-таки попытка возможна. Во-первых, историк располагает знаниями о принятых решениях и их последствиях, а значит, способен хотя бы отчасти реконструировать исходные послышки и мотивы. Во-вторых, особенность социально-политической конструкции сталинского режима была такова, что шедшие с вершины пирамиды власти импульсы и послышки, никак не запечатленные в документах политбюро и ЦК ВКП(б), в конце концов обретали зримую форму в воспоминаниях современников или в партийном и государственном документообороте среднего и низшего звена. Наконец, современный взгляд на труд историка позволяет ему больше доверять своей интуиции, свободнее использовать воображение, смелее излагать свои впечатления.

Если суммировать собственные впечатления на заданную тему, то они сводятся к следующему тезису: своим появлением на свет Калининградская область обязана только и исключительно Сталину, но для своего родителя она оказалась нелюбимым ребенком.

«Исконно славянская земля»

Пожалуй, впервые Сталин обратил внимание на Восточную Пруссию в августовские дни 1939 года, когда в Москве готовился и подписывался секретный протокол в пакту Молотова-Риббентропа. Уже тогда у него стал формироваться новый образ конфигурации западных границ своей империи, связанный не только с разделом Польши, но и планами аннексии Прибалтийских государств. Новые геополитические реалии, а также традиционное для него внимание к историческим прецедентам (времен наполеоновских войн и империалистической войны 1914-1918 гг.) неизбежно должны были привести к поиску путей устранения исходившей из Восточной Пруссии, как ему казалось, смертельной угрозы.

Эта мысль вполне оформилась вскоре после нападения Гитлера на СССР. Симптоматично, что вопрос о судьбе Восточной Пруссии был поставлен уже во время переговоров с А. Иденом в Москве в декабре 1941 г., когда советская сторона выступила со следующим предложением: *<...> часть Восточной Пруссии, прилегающая к Литве (включая Кёнигсберг), отходит к СССР сроком на 20 лет в качестве гарантии возмещения понесенных СССР убытков от войны с Германией. Другая ее часть – отходит к Польше¹*. Тогда соглашения на этот счет достигнуто не было, но нет сомнения, что столь важная инициатива могла исходить только от самого Сталина.

В дальнейшем идея временного контроля над Кёнигсбергом была заменена Сталиным на план аннексии части Восточной Пруссии. Вопрос об этом был поднят Сталиным на Тегеранской конференции руководителей трех союзных держав. Во время заседания 1 декабря 1943 г. при обсуждении будущих границ Польши У. Черчилль предложил включить в состав польского государства территорию Восточной Пруссии. Реакция Сталина была во многом неожиданной: *Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кёнигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более, что исторически – это исконно славянские земли. Если англичане согласны на передачу нам указанной территории, то мы будем согласны с формулировкой, предложенной Черчиллем. Последний обещал изучить это «интересное предложение»²*.

В начале 1944 г. вопрос о судьбе Восточной Пруссии вновь появился в переписке между руководителями СССР и Великобритании. Сталин в письме к Черчиллю 4 февраля 1944 г., соглашаясь на расширение польских границ на севере за счет Восточной Пруссии, повторил свое требование, высказанное на Тегеранской конференции: *Мы претендуем на то, чтобы северо-восточная часть Восточной Пруссии, включая порт Кёнигсберг, как незамерзающий порт, отошла к Советскому Союзу. Это единственный кусочек германской территории, на*

¹ РЖЕШЕВСКИЙ, О. А. Визит А. Идена в Москву в декабре 1941 г. In *Новая и новейшая история*, 1994, № 2, с. 100.

² *Тегеранская конференция трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. 28 ноября – 1 декабря 1943 г.* Москва, 1984, с. 150.

*который мы претендуем. Без удовлетворения этой минимальной претензии Советского Союза уступка Советского Союза, выразившаяся в признании линии Керзона, теряет всякий смысл*³.

В ответном послании Черчилля от 20 февраля 1944 г. говорится, что английское правительство признает «справедливость претензий со стороны России» и согласно с такой границей в Восточной Пруссии, чтобы «включить в состав русской территории Кёнигсберг». Вспомнив о том, что еще в годы Первой мировой войны «земля этой части Восточной Пруссии обгадена русской кровью», У. Черчилль делает вывод: *...русские имеют историческую и хорошо обоснованную претензию на эту немецкую территорию*⁴.

На Крымской конференции руководителей трех союзных держав вопрос о Кёнигсберге специально не рассматривался. Однако в ряде документов, касающихся будущих предполагаемых границ Польши, косвенно подтверждалось общее согласие на передачу СССР северной и восточной части Восточной Пруссии с Кёнигсбергом⁵.

Берлинская (Потсдамская) конференция в июле–августе 1945 г. призвана была в числе прочих урегулировать и территориальные вопросы. Уже на втором заседании 18 июля возник спор о понятии «Германия». Черчилль и Трумэн настаивали на признании Германии в границах 1937 г., Сталин же выдвинул другую формулу: *Как она есть в 1945 году*⁶.

Смысл спора имел прямое отношение к Восточной Пруссии. Если за основу брались довоенные границы, то вся территория Восточной Пруссии, включая Кёнигсберг, попадала под совместную юрисдикцию трех держав в лице Союзного Контрольного Совета вплоть до окончательных решений мирной конференции; здесь должна была быть восстановлена (хотя бы временно) немецкая администрация и т. п. Высказываясь за границы 1937 г. в качестве отправного пункта решения территориальных вопросов, американский президент и английский премьер-министр одновременно подтвердили свою позицию о согласии на передачу части Восточной Пруссии Советскому Союзу⁷. Сталин возражал очень резко: *Если в Кёнигсберге появится немецкая администрация, мы ее прогоним, обязательно прогоним*⁸.

В ходе дальнейшего обсуждения стороны согласовали свои позиции относительно той части Восточной Пруссии, которая отходила к СССР. В окончательной редакции *Протокола Берлинской конференции трех великих держав*, подписанного Сталиным, Трумэном и сменившим Черчилля Эттли, общее решение было сформулировано в пятом пункте следующим образом:

Конференция рассмотрела предложение Советского Правительства о том, чтобы впредь до окончания решения территориальных вопросов при мирном урегулировании прилегающая к Балтийскому морю часть западной границы СССР проходила от пункта на восточном берегу Данцигской бухты к востоку – севернее Браунсберга – Гольдапа к стыку границ Литвы, Польской Республики и Восточной Пруссии.

³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. т. 1. Москва, 1989, с. 229.

⁴ Ibid., с. 237.

⁵ Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. 4–11 февраля 1945 г. Москва, 1984, с. 139, 147, 148.

⁶ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех держав – СССР, США и Великобритании. Москва, 1984, с. 56–58.

⁷ Ibid., с. 152.

⁸ Ibid., с. 57.

Конференция согласилась в принципе с предложением Советского Правительства о передаче Советскому Союзу города Кёнигсберга и прилегающего к нему района, как описано выше. Однако точная граница подлежит исследованию экспертов.

Президент США и премьер-министр Великобритании заявили, что они поддержат это предложение на конференции при предстоящем мирном урегулировании⁹.

Решение по Кёнигсбергу и прилегающему к нему району подлежало окончательному урегулированию на предстоящей мирной конференции¹⁰.

Наряду с территориальными вопросами на конференции обсуждалась проблема перемещения немецкого населения из различных европейских стран в Германию. Репатриация немцев должна была охватить Польшу, Чехословакию, Венгрию, позднее к ним добавилась Австрия. Перемещаемые немецкие граждане стали именоваться в официальных документах *выселенцами*¹¹. В XII пункте заключительного *Протокола* предписывалось осуществлять перемещение организованным и гуманным способом, обеспечить справедливое распределение этих немцев по зонам оккупации. Координация всей работы по переселению поручалась Контрольному Совету в Германии¹².

Однако ни в *Протоколе*, ни во время переговоров не заходила речь о тех немцах, которые оказались на территории, отходящей к СССР, – в Кёнигсберге и его окрестностях. Сталин давал понять, что немцев здесь практически не осталось, что они ушли вместе с отступающей германской армией¹³. Союзники же не проявили к этой проблеме ни интереса, ни особой настойчивости.

Таким образом, немецкое гражданское население, оказавшееся на исходе войны на территории Кёнигсберга и северо-восточной части Восточной Пруссии, не подпадало под действие XII пункта *Протокола*. На него не распространялись власть Контрольного Совета и правила репатриации, советская сторона не имела в этом плане никаких обязательств перед союзниками, в том числе обязательства предоставлять исчерпывающую информацию о численности немцев, сроках и порядке их репатриации. Судьба этих немцев оказалась полностью в руках советской администрации и зависела в первую очередь от планов кремлевского руководства и лично товарища Сталина.

Переходный период

Каковы были эти планы? Складывается впечатление, что на протяжении длительного времени таковые вообще отсутствовали. Если проследить динамику интеграции вновь присоединенного края в советскую систему, то она и отдаленно не соответствовала принятым в СССР нормативам. Действительно, область была отдана на откуп военным, здесь более двух лет действовали временные схемы управления, национализация была поведена только в июне 1946 г., партийные структуры заработали с весны 1947 г., а конституционные органы

⁹ *Берлинская (Потсдамская) конференция...*, с. 438.

¹⁰ Конференция по заключению мирного договора с Германией с участием СССР, как известно, не состоялась из-за разногласий между союзниками и начавшейся вскоре «холодной войны». Однако в международном сообществе законность и неизбежность Потсдамских решений никогда не подвергались сомнению.

¹¹ *Доклад Контрольного Совета в Германии Совету министров иностранных дел*. Раздел. VII. Перемещение населения. Берлин, 1947, с. 18.

¹² *Берлинская (Потсдамская) конференция...*, с. 443.

¹³ *Ibid.*, с. 113.

власти (советы депутатов трудящихся) созданы по результатам выборов в декабре 1947 г. Область не была включена в четвертый пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1946-1950 гг.), что означало отсутствие централизованных инвестиций на восстановление разрушенного войной края. Совершенно неясным оставался статус немецкого населения и его дальнейшие перспективы (депортация немцев началась в октябре 1947 г.).

Все эти задержки и промедления абсолютно не вписывались в сложившуюся практику молниеносных решений такого рода проблем (достаточно вспомнить, сколь быстро это делалось на аннексированных в 1939-1940 гг. землях). По всей видимости, они были связаны с нерешенностью «германского вопроса» и некоторой неопределенностью статуса Восточной Пруссии, передача которой Польше и СССР должна была быть подтверждена на мирной конференции. С одной стороны, у Сталина сохранялись иллюзии относительно победы во всей Германии «народно-демократического» строя с последующим ее вхождением в состав советского блока. С другой стороны, ему не хотелось раньше времени портить отношения с бывшими великими союзниками по антигитлеровской коалиции, привлекая их внимание к происходящему вокруг Кёнигсберга. И только когда в 1947 г. появилась определенность относительно перспектив раздела Германии и вполне обозначился разрыв с Западом в связи с началом «холодной войны», соблюдение политеза в этом вопросе утратило всякий смысл.

Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов и то соображение, что находясь в состоянии эйфории от победы, почувствовав себя вершителем судеб мира и каждодневно занимаясь навалившимися на него проблемами по обустройству своей необычайно разросшейся империи, у Сталина просто не доходили руки до того, чтобы заняться такой «мелочью», как частица бывшей Восточной Пруссии (ее территория составляла менее одного процента от площади тех стран Восточной Европы, которым была уготована судьба стать частью «социалистического лагеря»). Кроме него в сверхцентрализованном государстве принимать принципиальные решения такого уровня было попросту некому.

Неопределенность была неожиданно прервана летом 1947 г., когда вождем подписал десяток правительственных постановлений, из пропагандистских соображений названных *Великим Сталинским планом строительства Калининградской области*. Его появлению на свет предшествовала череда неординарных событий.

В марте 1947 г. в Калининград из Ленинграда был командирован Петр Андреевич Иванов, назначенный первым руководителем областной организации ВКП(б). То, с чем он столкнулся на земле бывшей Восточной Пруссии, стало для него потрясением.

Ликвидация разрухи за два прошедших после войны года практически не начиналась. Удручающим было состояние областной экономики: промышленность стабильно проваливала все плановые задания, оборудование использовалось от силы на треть. Разбросанные по бывшим немецким хуторам и юнкерским поместьям 350 маломощных колхозов и совхозов не в состоянии были прокормить даже своих собственных работников. Повсеместно не хватало рабочей силы: штаты предприятий и организаций были укомплектованы лишь на две трети, а то и наполовину. Текучесть кадров приобрела угрожающие размеры, массовым было «отходничество» из колхозов¹⁴.

Непросто складывались отношения партийных властей с военными. Иванов видел свою миссию не просто в наведении порядка, а в установлении на бывшей прусской земле советской власти, а значит, он неизбежно должен был столкнуться с местным генералитетом.

¹⁴ См.: КОСТЯШОВ, Ю. В. На колхозном собрании: Штрихи к истории заселения Калининградской области в 1946 году. In *Вопросы истории*, 2003, № 9, с. 132–138.

Военные владели целыми городами и поселками, а в остальных занимали лучшие здания и помещения, да еще и отгораживали от гражданских лиц «свои» кварталы незаконными постройками и шлагбаумами. Колхозам приходилось бороться с воинскими частями за выделенную им «в вечное пользование» землю. Настоящим бедствием были военные маневры и учения со стрельбой, танковыми атаками, рытьем окопов и блиндажей, сопровождавшиеся к тому же порчей посевов, кражей скота, сжиганием сена, мордобитием колхозников и даже пальбой по населенным пунктам. Иванов апеллировал к Москве, чем страшно раздражал генералов, которые смотрели на него как на зарвавшегося мальчишку, посягнувшего на их «кровью завоеванные» права и привилегии¹⁵.

К Иванову ежедневно поступали секретные донесения с мест о распространяющейся дистрофии, массовом голоде, повлекших за собой смерть людей от истощения и самоубийства на почве голода. От переселенцев шел поток жалоб на неустроенность, нехватку продуктов, отсутствие пригодного жилья, невыдачу обещанной мануфактуры, разгул бандитизма, отравленные колодцы, заминированные поля, произвол начальства.

*Мы живем, как первобытные люди, – писали переселенцы из Ярославской области в Москву, – не имея спичек, поддерживаем круглосуточно огонь в печах. Не имея керосина, сидим после работы при свете лучины, не имея мыла – не можем регулярно мыться*¹⁶.

Не видя возможности собственными силами переломить ситуацию, П. А. Иванов решился на отчаянный шаг и 28 мая 1947 г. написал на шести страницах письмо Сталину. Он писал о том, что более года на землях бывшей Восточной Пруссии не было советских гражданских органов управления, из-за чего отсутствовали учет и охрана имущества, *ценности растаскивались, жилой фонд и производственные помещения разрушались*, а министерства и ведомства *рассматривали Восточную Пруссию как оккупированную территорию, демонтировали оборудование, вывозили ценные материалы*. Без прикрас было сказано о провальных результатах хозяйственной деятельности, кадровой чехарде, голоде, тревожной политической обстановке. В заключение Иванов обратился к вождю с просьбой «назначить специальную комиссию» и поручить ей разработать *план восстановления и развития Калининградской области*¹⁷.

Сталинский план строительства Калининградской области

9 июня состоялось заседание политбюро ЦК по письму П. А. Иванова и с его участием. В 22 ч. 50 м. секретарь Поскребышев пригласил в кабинет Сталина П. А. Иванова и прибывших с ним председателя облисполкома В. А. Борисова и секретаря обкома по кадрам С. А. Бровкина, где они оставались до 23 час. 45 мин¹⁸.

На заседании была создана комиссия из пятнадцати человек во главе с заместителем председателя правительства А. Н. Косыгиным для ознакомления с положением дел на мес-

¹⁵ См.: КОСТЯШОВ, Ю. В. От военных к гражданским: О передаче власти в Кёнигсбергской / Калининградской области в 1946 г. In *Новый Часовой*, 2002, № 13–14, с. 381–389.

¹⁶ Жалоба переселенцев совхоза № 73 Гурьевского района в Совет министров СССР, 1947 г. *Государственный архив новейшей истории Калининградской области*, ф. 1, оп. 1, д. 83, л. 99.

¹⁷ Письмо Иванова Сталину, имевшее гриф «совершенно секретно», впервые было опубликовано в 2002 г. по копии, сохранившейся в областном партийном архиве: Первые секретари... *Документы и материалы о деятельности партийных руководителей Калининградской области и Калининграда в 1947–1991 гг.* Калининград, 2002, с. 13–22.

¹⁸ Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. *Исторический архив*, 1996, № 4, с. 14.

те. Косыгин с 1945 г. «курировал» область в правительстве, а в феврале 1946 г. был избран депутатом Верховного Совета СССР по округу, включавшему территорию бывшей Восточной Пруссии¹⁹.

Стенограмма заседания политбюро по сложившейся традиции не велась, однако одно свидетельство о происходившем таинстве удалось обнаружить в протоколе одной из районных партийных конференций, состоявшейся в октябре 1947 г. На ней собственными впечатлениями от памятной встречи со Сталиным поделился С. А. Бровкин: *Мы должны понять, что ЦК ВКП(б) и правительство уделяют нашей области колоссальное внимание. Я имел счастье быть на совещании бюро ЦК ВКП(б), где обсуждался вопрос о нуждах Калининградской области. Весь состав политбюро нашей партии и товарищ Сталин заслушивали нас 2 часа (в действительности 55 мин. – Ю. К.) и обсуждали нужды нашей Калининградской области. Товарищ Сталин сказал: «Пишите чаще и больше». После чего была создана комиссия. Было очень много вынесено решений по всем отраслям промышленности²⁰.*

Только простодушный Степан Андреевич мог буквально понять сказанную на прощание Сталиным одну из своих «фирменных» фразочек как поощрение к дальнейшему писмотворчеству. Для большинства присутствующих она прозвучала зловеще: известно было, что вождь терпеть не мог жалобщиков и паникеров. А значит, судьба Иванова была уже решена.

Через два дня «Комиссия Косыгина» прибыла на литерном поезде в Калининград, где пробыла целую неделю. Во время работы комиссии Иванов оказался фактически в изоляции и пребывал в тяжелой депрессии, так как догадывался о своей опале (вождь терпеть не мог жалобщиков и паникеров). В ночь на 18 июня перед итоговым заседанием бюро обкома Иванов застрелился из именного браунинга. На собравшемся утром заседании бюро Косыгин как ни в чем ни бывало назвал членам бюро имя нового первого секретаря обкома В. В. Щербакова, работавшего ранее председателем Бюро ЦК ВКП(б) по Литве.

Между тем «Комиссией Косыгина» был подготовлен ряд решений, подписанных Сталиным 21 июля 1947 г. *Сталинский план* включал 9 постановлений Совета министров СССР (около 150 страниц), определивших развитие Калининградской области в 1947-1948 гг., а в некоторых случаях до 1950 г.²¹ Десятое постановление о выселении немцев Сталин подписал только 11 октября 1947 г. – после завершения уборочных работ на селе²².

Постановления касались ведущих отраслей областной экономики: судостроительной, целлюлозно-бумажной, янтарной, рыбной промышленности, энергетики, транспорта и сельского хозяйства. Планировалось осуществить запуск 178 промышленных предприятий, «перешить» доставшуюся от немцев железнодорожную сеть на более широкую «союзную» колею, восстановить мелиоративную систему, создать рыбопромысловый флот, развернуть строительство жилья, объектов соцкультбыта, мостов, дорог, провести газификацию, телефонизацию и радиофикацию, переселить дополнительно 20 тыс. семей для работы в сельском хозяйстве. Общий объем капиталовложений на ближайшие полтора года составил вну-

¹⁹ См.: КОСТЯШОВ, Ю. В. Обзор фондов РГАСПИ по истории становления Калининградской области. In *Проблемы источниковедения и историографии*, вып. 4. Калининград, 2006, с. 48.

²⁰ Протокол партийной конференции ВКП(б) Нестеровского района Калининградской области, 18-19 октября 1947 г. *Государственный архив новейшей истории Калининградской области*, ф. 409, оп. 1, д. 3, л. 16.

²¹ См.: КОСТЯШОВ, Ю. В. Комиссия А. Н. Косыгина. О работе партийно-правительственной комиссии в Калининградской области в 1947 г. In *Проблемы управления социально-экономическими процессами региона*, ч. 2. Калининград, 2006, с. 41–47.

²² О депортации немцев, см.: КОСТЯШОВ, Ю. В. Выселение немцев из Калининградской области в послевоенные годы. In *Вопросы истории*, 1994, № 6, с. 186–188.

шительную сумму в 700 млн. руб. Улучшалось снабжение трудящихся за счет повышавшее на одну ступень категорию снабжения калининградцев: для рабочих вводились «нормы особого списка», а для служащих – «нормы рабочих промышленности»; увеличивался лимит продовольственных карточек на 17 тыс. человек, открывались 25 коммерческих магазинов и т. д. Кстати, самым пространным оказался секретный 7-й пункт этого постановления, касавшийся дополнительных продовольственных пайков, литературных обедов и промтоварных лимитов для руководящих работников²³.

Поначалу казалось, что на область наконец-то пролился долгожданный поток благоденствий Центра. По словам современников, все подъездные пути в Калининграде *оказались забиты составами с комбайнами, тракторами и машинами*. Однако скоро этот поток пошел на убыль. По итогам 1947 г. года оказалась полностью сорвана программа обеспечения областных предприятий специалистами и квалифицированными рабочими. Положение с рабочей силой в чем-то даже ухудшилось, так как в 1947-1948 гг. произошла депортация в Германию более 100 тыс. немцев. Военные власти по-прежнему саботировали передачу гражданским властям зданий, сооружений и сельскохозяйственных предприятий. Министерства и ведомства не выполняли планы по выделению фондов, недопоставляли оборудование, срывали сроки пуска промышленных предприятий. Через год, когда стало совершенно ясно, что даже и близко не удастся достичь определенных *Сталинским планом* показателей, о нем стали вспоминать все реже и реже, а вскоре и вовсе потихоньку забыли, исключив само это понятие из пропагандистского оборота²⁴.

Появление *Сталинского плана* означало крутой поворот в истории молодой Калининградской области. Это был поворот в сторону лучшей жизни: от голода и нищеты к более или менее стандартному для советского народа уровню социальной защиты; от бездумного уничтожения и расхищения доставшихся в наследство материальных ценностей, всевластия военных и чрезвычайщины – к выстраиванию привычной для людей системы *советской власти*, относительному порядку и более разумному хозяйствованию; от нестабильности и чувства временности своего пребывания на этой земле – к предсказуемости и большей уверенности в завтрашнем дне.

Обращение Иванова к Сталину и его трагическая смерть стали для местных руководителей незабываемым уроком: в последующие годы в отношениях с Москвой калининградская политическая элита вела себя крайне деликатно и предпочитала вообще не предъявлять Центру никаких претензий, тем самым умалчивая об истинном положении вещей и ограничивая перспективы развития края. На Сталина вся эта история произвела крайне неприятное впечатление, так что до конца своих дней он больше не проявлял никакого личного интереса к Калининградской области – своему нелюбимому ребенку.

Литература

- КОСТЯШОВ, Юрий Владимирович. Выселение немцев из Калининградской области в послевоенные годы. *Вопросы истории*, 1994, № 6, с. 186–188.
- Костяшов, Юрий Владимирович. Калининградская область в 1947–1948 гг. и планы ее развития. *Вопросы истории*, 2008, № 4, с. 109–111.

²³ КОСТЯШОВ, Ю. В. Калининградская область в 1947–1948 гг. и планы ее развития. In *Вопросы истории*, 2008, № 4, с. 109–111.

²⁴ *Ibid.*, с. 111–114.

- Костяшов, Юрий Владимирович. Комиссия А. Н. Косыгина. О работе партийно-правительственной комиссии в Калининградской области в 1947 г. In *Проблемы управления социально-экономическими процессами региона*, ч. 2. Калининград, 2006, с. 41–47.
- Костяшов, Юрий Владимирович. На колхозном собрании: Штрихи к истории заселения Калининградской области в 1946 году. *Вопросы истории*, 2003, № 9, с. 132–138.
- Костяшов, Юрий Владимирович. Обзор фондов РГАСПИ по истории становления Калининградской области. In *Проблемы источниковедения и историографии*, вып. 4. Калининград, 2006.
- Костяшов, Юрий Владимирович. От военных к гражданским: О передаче власти в Кёнигсбергской / Калининградской области в 1946 г. *Новый Часовой*, 2002, № 13–14, с. 381–389.
- Ржешевский, О. А. Визит А. Идена в Москву в декабре 1941 г. *Новая и новейшая история*, 1994, № 2, с. 100.

STALIN AND KALININGRAD REGION: THE CASE OF HISTORICAL RECONSTRUCTION

Yury Kostyashov

I. Kant State University of Russia, Kaliningrad

S u m m a r y

The author attempts to reconstruct how Joseph Stalin viewed the future of the German province of East Prussian and its development within the USSR. The problems of formulating Moscow policy with respect to the annexed region are considered from the point of view of the conflicts between military and civil authorities. Newly discovered documents from central and local archives describe the history of the so-called Stalin Plan that outlined the development of the Kaliningrad region (1947).

The Potsdam conference assigned Königsberg and the surrounding East Prussia region to the Soviet Union. As Stalin intimated that there were no longer any Germans residing in East Prussia, they were conveniently “forgotten” by the allies.

The dynamics of the region’s integration into the USSR did not proceed in a normal Soviet manner of integrating occupied territories. The area was given to the army as booty, for two years only minimal temporary governance existed. The region was not incorporated into the fourth Five-year Plan (1946-1950), thus the war torn region did not receive any reconstruction money from the central government. The status and future of resident Germans was undefined. It is unclear whether Stalin purposely ignored or forgot about the region.

The impetus for the creation of the Stalin Plan was Peter Ivanov, the head of the regional Communist party organization, who resided in the Kaliningrad area for three months before writing a “top secret” letter to Joseph Stalin May, 28, 1947. He revealed the disintegration of agriculture, the Soviet military’s unchecked destruction of homes and factories, famine, the troubled political situation, and asked that a special commission be created to develop a reconstruction and development plan for the Kaliningrad region.

This letter was discussed at the session of the Political bureau of the VKP(b) Central Committee on June 9th and a special commission was created and adjourned to Kaliningrad. The activity of the party-government commission under the direction of Aleksey Kosygin in the Kaliningrad area in June, 1947 is characterized and marked by the suicide of Peter Ivanov.

Stalin signed the nine articles of the 150-page plan composed by the USSR Ministers Council on July 21, 1947 that outlined the development plans for the Kaliningrad region. The tenth article, which dealt with deportation of the Germans, was signed October 11, 1947, after the harvest.

The development was budgeted 700 million rubles and provisions for increasing the skilled labor force were made. Food rations were increase, new stores were opened and it appeared that the situation in the region would improve, however by the end of the year the flow of goods, money and people to the region stopped. Within a year, the plan was no longer mentioned even in propaganda.

The author judges that the “Stalin Plan” was a turning point in the post-war history of the area. The plan resulted in a transition from famine and poverty to a standard level of social security for Soviet people, from thoughtless destruction and plunder of material assets, from the absolute power of the military and a state of emergency – to a habitual system of *Soviet authority*, a state of relative order and more reasonable management; from instability and the feeling of a temporary occupation – to the relative stability.

The results of the realization of the *Stalin plan* are analyzed; their consequences for the further mutual relations between Moscow and the Kaliningrad area, and also their influence in the formation of the Kaliningrad government structures are estimated.

STALINAS IR KALININGRADO SRITIS: ISTORINĖS REKONSTRUKCIJOS MĖGINIMAS

Jurij Kostiašov

Rusijos valstybinis I. Kanto universitetas, Kaliningradas

Santrauka

Atrodo, kad perprasti politikų ar valdžios vyrų požiūrį ir poelgių motyvus – sunkus uždavinys; o kalbant apie tokią specifinę XX a. figūrą kaip Josifas Visarionovičius Stalinas – ir visiškai neįveikiamas.

Mėginamas suvokti, kas dėjosi to labiausiai pasaulinėje istorijoje užsisklendusio tirono galvoje, tyrinėtojas įklimpsta spėlionių ir nuomonių pelkėje, ir taip susitapatina su diletantais, žaidžiančiais istorinėmis rekonstrukcijomis. Jų žaidimai gali patraukti dėmesį ir netgi pralinksminti, tačiau [iš tikrųjų] jie tolimi nuo tikrovės istorinio vyksmo.

Ir vis dėlto pamėginti įmanoma. Viena vertus, istorikas, turėdamas informaciją apie sprendimus ir jų pasekmes, gali bent iš dalies rekonstruoti (=atkurti) pirminį sumanymą ir motyvus. Kita vertus, stalininio režimo socialinės-politinės konstrukcijos ypatybė yra ta, kad nuo valdžios piramidės viršaus sklindę impulsai ir ketinimai, nė jokiais būdais neįvardyti VKP(b) CK ar politbiuro dokumentuose, galų gale materializuodavosi amžininkų prisiminimuose ar žemesniųjų rangų partiniuose bei valstybiniuose dokumentuose.

Pagaliau, šiuolaikiškai vertinant istoriko veiklą, leidžiama jam labiau pasitikėti savo intuicija, laisviau naudotis vaizduote, drąsiau dėstyti savo išpūdžius.

Apibendrinamas savo paties požiūrį į temą, autorius formuluoja tokią tezę: dėl savo atsiradimo Kaliningrado sritis turi būti dėkinga Stalinui, ir tik jam, tačiau savo „gimdytojui“ ji buvo ir liko nemylimu kūdikiu.

Atrodo, kad pirmą kartą dėmesį į Rytų Prūsiją Stalinas atkreipė 1939 m. rugpjūčio mėnesį, kai Maskvoje buvo ruošiamas ir pasirašytas slaptasis Molotovo-Ribbentropo pakto protokolas. Jau tuo metu Stalinui pradėjo ryškėti nauja jo imperijos vakarinių sienų konfigūracija, susijusi ne tik su Lenkijos padalijimu, bet ir su Pabaltijo valstybių aneksijos planais. Naujos geopolitinės realijos, taip pat Stalinui įprastas (tradicinis) istorinių precedentų vertinimas (Napoleono karų ir 1914–1918 m. imperialistinių karų laikotarpio) neišvengiamai turėjo subrandinti paieškas būdų, kaip pašalinti grėsmę, kylančią iš Rytų Prūsijos.

Ši mintis visiškai subrendo netrukus Hitleriui užpuolus TSRS.

Įsidėmėtina, kad klausimas apie Rytų Prūsijos likimą iškilo jau 1941 m. gruodžio mėn. derybų su A. Idenu Maskvoje metu, kai sovietinė pusė paskelbė tokį pasiūlymą:

<...> Rytų Prūsijos dalis, besiribojanti su Lietuva (įskaitant Kenigsbergą), atitenka TSRS dvidešimčiai metų kaip TSRS patirtų nuostolių kare su Vokietija garantija. Kita jos [Rytų Prūsijos] dalis atitenka Lenkijai.

Tuo metu dėl šio pasiūlymo nebuvo sutarta, bet neverta abejoti, kad tokios svarbios iniciatyvos autorius galėjo būti tik pats Stalinas. Vėliau Kenigsbergo [regiono] laikinos kontrolės idėją Stalinas pakeitė Rytų Prūsijos dalies aneksijos planu.

Teherano konferencijoje 1943 m. gruodžio 1 d. atsakydamas į V. Čerčilio pasiūlymą Rytų Prūsiją prijungti prie Lenkijos, Stalinas pareiškė: *Rusai neturi neužšlančių uostų Baltijos jūroje. Todėl rusams būtų reikalingi neužšlantys Kenigsbergo ir Memelio uostai ir atitinkamai Rytų Prūsijos teritorijos tam tikra dalis. Juo labiau kad istoriškai – tai nuo amžių slaviškos žemės.*

Vėlesniame susirašinėjime su Britanijos premjeru Stalinas toliau plėtojo savo poziciją, pabrėždamas, kad tai vienintelis vokiečių teritorijos gabaliukas, į kurį mes pretenduojame.

Principinis Rytų Prūsijos padalijimo tarp TSRS ir Lenkijos sprendimas buvo priimtas Potsdamo konferencijoje: Vakarų sąjungininkai sutiko perduoti Tarybų Sąjungai Kenigsbergo miestą ir prie jo esančią Rytų Prūsijos dalį, nors galutinis teritorinių klausimų sprendimas buvo atidėtas iki Taikos konferencijos.

Įdomu, kad Potsdame svarstant vokiečių gyventojų repatriacijos iš Europos šalių į Vokietiją klausimą, Rytų Prūsijos vokiečiai (TSRS ribose) buvo „pamiršti“ – Stalinas leido suprasti, kad vokiečių čia praktiškai nelikę, kad jie išėję drauge su besitraukiančia vokiečių armija. Sąjungininkams šis klausimas nė kiek nerūpėjo.

Todėl Kenigsbergo mieste ir jo apylinkėse pasilikusių vokiečių gyventojų nelietė Kontrolinės tarybos jurisdikcija ir repatriacijos taisyklės; šia prasme sovietinė pusė prieš sąjungininkus neturėjo jokių įsipareigojimų. Šių [pasilikusių] vokiečių likimas priklausė tik nuo sovietinės administracijos ir pirmiausia nuo Kremliaus vadovybės ir asmeniškai Stalino planų.

Kokie buvo tie planai?

Susidaro įspūdis, kad ilgą laiką tokių iš viso nebuvo. Naujai prisijungto krašto integracijos į sovietinę sistemą dinamika nė iš tolo neprimena įprastų TSRS normų. Iš tikrųjų sritis buvo atiduota kaip užmokestis kariškiams, joje daugiau kaip dvejus metus veikė laikinos valdymo schemos, nacionalizacija buvo įvykdyta tik 1946 m. birželio mėn., partinės struktūros pradėjo dirbti nuo 1947 m. pavasario, o konstituciniai valdžios organai (deputatų tarybos) buvo sukurti tik pagal 1947 m. gruodžio mėn. rezultatus.

Sritis nebuvo įtraukta į TSRS liaudies ūkio vystymo ketvirtojo penkmečio (1946–1950) planą; tai reiškė, kad karo nuniokotam kraštui iš Centro nebuvo skirta investicijų. Visiškai neapibrėžtas liko vokiečių gyventojų statusas ir jų tolesnės perspektyvos (vokiečių deportacija prasidėjo 1947 m. spalio mėn.).

Šitoks delsimas ir lėtumas visiškai nesiderino su neatidėliotina panašių klausimų sprendimo praktika (verta prisiminti, kaip skubiai visa tai buvo atlikta teritorijose, aneksuotose 1939–1940 metais).

Matyt, tai buvo susiję su neišspręstu „Vokietijos klausimu“ ir tam tikru Rytų Prūsijos statuso neapibrėžtumu – teritorijos perdavimas Lenkijai ir TSRS turėjo būti patvirtintas Taikos konferencijoje.

Viena vertus, Stalinas išsaugojo iliuzijas apie „liaudies demokratinės“ santvarkos pergalę vi-soje Vokietijoje, vėliau išliesiančioje į sovietinį bloką. Antra vertus, jis nenorėjo iš anksto gadinti santykių su buvusiais didžiaisiais antihitlerinės koalicijos sąjungininkais, atkreipdamas jų dėmesį į tai, kas vyksta Kenigsberge.

Tiktai 1947 m., kai išryškėjo Vokietijos padalijimo perspektyvos ir dėl prasidėjusio „šaltojo karo“ visiškai nutrūko ryšys su Vakarais, atkrito būtinybė laikytis padorumo [Rytų Prūsijos atžvilgiu].

Neturėtume, žinoma, nekreipti dėmesio ir į tą aplinkybę, kad Stalinui, apimtam pergalės euforijos, pasijutusias pasaulio likimo šeimnininku ir kasdien sprendžiančiam užgriuvusius klausimus dėl nepaprastai išaugusios savo imperijos, paprasčiausiai trūko laiko užsiimti tokia „smulkmena“ kaip buvusios Rytų Prūsijos gabaliukas (jos teritorija nesudarė net vieno procento nuo ploto tų Rytų Europos kraštų, kurių likimas buvo numatytas tapti socialistinio lagerio šalimis). Mat toje supercentralizuotoje valstybėje priimti principinius aukšto rango sprendimus paprasčiausiai nebuvo daugiau kam.

Neapibrėžta padėtis netikėtai pasikeitė 1947 m. vasarą, kai vadas pasirašė dešimt vyriausybės nutarimų, kurie dėl propagandos buvo pavadinti Didžiuoju Stalino Kaliningrado srities sukūrimo planu. Prieš pasirodant šiam planui atsitiko keletas neįprastų dalykų.

1947 m. kovą į Kaliningradą iš Leningrado buvo komandiruotas Piotras Andrejevičius Ivanovas, paskirtas srities partinės organizacijos pirmuoju sekretoriumi. Tai, ką Ivanovas pamatė buvusios Rytų Prūsijos žemėje, sukėlė jam didžiulį šoką. Per dvejus pokario metus karo griuvėsiai praktiškai net nepradėti šalinti. Srities ekonomika buvo siaubinga: pramonės įmonės nuolat žlugdė visas planines užduotis, įrenginiai buvo naudojami tik 25–30 procentų. 350 smulkių kolūkių ir tarybinių ūkių, išbarstyti po buvusias vokiečių sodybas ir junkerių dvarus, nepajėgė išmaitinti net savo pačių darbuotojų. Visur trūko darbo jėgos: įmonių ir organizacijų personalas buvo sukomplektuotas geriausiu atveju dviem trečdaliais, o kartais jo buvo tik pusė. Kadru kaita buvo didžiulė, bėgimas iš kolūkių – masinis.

Sudėtingi buvo partinės valdžios ir kariškių tarpusavio santykiai. Ivanovas savo misiją suprato ne tik kaip tvarkos įvedimą, bet ir kaip sovietinės valdžios įtvirtinimą buvusioje prūsiškoje žemėje, o tai reiškė, kad jis būtinai turėjo kontaktuoti su vietiniu generalitetu.

Kariškiai valdė ištisus miestus ir gyvenvietes, o kitur buvo užėmę geriausius pastatus ir patalpas; neretai neteisėtai [kontrolės] postais ir šlagbaumais atskirdavo „savo“ kvartalus nuo civilių asmenų. Kolūkiams tekdavo susiremti su kariniais daliniais dėl jiems „amžinam naudojimui“ skirtos žemės.

Tikra nelaimė buvo kariniai manevrai ir pratybos su šaudymais, tankų atakomis, apkasų ir blindadžų kasimu; šitai lėmė pasėlių naikinimą, galvijų vagystes, šieno deginimą, kolūkiečių mušimą ir netgi pasišaudymus gyvenamuosiuose rajonuose.

Ivanovas kreipėsi į Maskvą, tuo labai suerzindamas generolus, kurie į jį žiūrėjo kaip į įžūlų berniukštį, besikėsinantį į jų „krauju užkariautas“ teises ir privilegijas. Ivanovą kasdien pasiekdavo slapti pranešimai apie plintančią distrofiją, masinį badą, dėl kurio žmonės mirdavo nuo išsekimo ir netgi žudydavosi. Persikėlėliai masiškai skųsdavosi negalintys įsikurti, dėl maisto produktų trūkumo, tinkamo gyventi ploto stokos, dėl negautos žadėtos manufaktūros, banditų siautėjimo, šulinių nuodijimo, laukų minavimo, viršininkų savivalės.

Mes gyvename kaip pirmykščiai žmonės, – rašė persikėlėliai iš Jaroslavlio srities, – neturėdami degtuko, visą parą saugome ugnį krosnyse. Neturime žibalo, po darbo sėdime prie balanos, neturėdami muilo – negalime reguliariai praustis.

Nematydamas galimybių savomis jėgomis pakeisti padėtį, Ivanovas apsisprendė beprotiškam žingniui ir 1947 m. gegužės 28 d. parašė šešių puslapių laišką Stalinui. Rašė apie tai, kad daugiau kaip metus buvusios Rytų Prūsijos žemėse nebuvo civilinių tarybinės valdžios organų, dėl to nebuvo turto apskaitos ir apsaugos, „vertybės išgrobstytos, gyvenamasis fondas ir gamybinės patalpos griauamos“, o ministerijos ir žinybos „Rytų Prūsiją laikė okupuota teritorija, demontavo įrengimus, išvežė vertingas medžiagas“. Nieko neslėpdamas aprašė ūkinės veiklos žlugdymą, kadrų netvarką, badą, nerimastingą politinę aplinką. Baigdamas kreipėsi į vadą prašydamas „paskirti specialią komisiją“ ir pavesti jai parengti Kaliningrado srities atstatymo ir vystymo planą.

Birželio 9 d. įvyko CK politbiuro posėdis dėl P. A. Ivanovo laiško, dalyvaujant pačiam autoriui. Jame buvo sukurta 15 asmenų komisija, vadovaujama vyriausybės pirmininko pavaduotojo A. N. Kosygino; komisija turėjo susipažinti su padėtimi vietoje.

Po dviejų dienų „Kosygino komisija“ literiniu traukiniu atvyko į Kaliningradą, kuriame praleido ištisą savaitę. Komisijos darbo metu Ivanovas faktiškai atsidūrė izoliacijoje ir išgyveno sunkią depresiją, kadangi nuspėjo savo ateitį (vadas negalėjo pakeisti besiskundžiančiųjų ir panikos kėlėjų). Naktį į birželio 18 d., prieš baigiamąjį obkomo biuro posėdį, Ivanovas nusišovė savo vardiniu brauningu.

Ryte į posėdį susirinkusiems biuro nariams Kosyginas lyg nieko nebūtų atsitikę paskelbė naują pirmąjį obkomo sekretorių – V. V. Ščerbakovą, prieš tai dirbusį VKP(b) CK biuro Lietuvai pirmininku.

Tarp kitko, „Kosygino komisija“ parengė keletą nutarimų, kuriuos Stalinas pasirašė 1947 m. liepos 21 d. Stalino planas apėmė devynis TSRS ministrų tarybos nutarimus (apie 150 puslapių), nustačiusius Kaliningrado srities vystymąsi 1947–1948 metais, o kai kuriais atvejais – iki 1950 metų. Dešimtą nutarimą – apie vokiečių iškeldinimą – Stalinas pasirašė tikrai 1947 m. spalio 11 d. – pasibaigus kaime derliaus nuėmimo darbams.

Nutarimai lietė svarbiausias srities ekonomikos šakas: laivų statybą, celiuliozės-popieriaus, gintaro, žuvies pramonę, energetiką, transportą ir žemės ūkį. Buvo planuojama pradėti gamybą 178 pramonės įmonėse, pertvarkyti nuo vokiečių likusį siaurąjį geležinkelį į platesnę rusiškąją juostą, atkurti melioracijos sistemą, sukurti žvejybos laivyną, išplėsti gyvenamųjų namų, socialinių, kultūros, buitinių objektų, tiltų statybą, nutiesti kelius, dujofikuoti, telefonizuoti ir radiofikuoti, perkeldinti papildomai 20 tūkstančių šeimų darbui žemės ūkyje.

Bendras finansavimas [kapitalo įdėjimas] per artimiausius pusantrų metų siekė įspūdingą 700 milijonų rublių sumą. Dirbančių kaliningradiečių aprūpinimas pagerėjo, pakėlus aprūpinimo kategoriją vienu laipsniu: darbininkams buvo įvestos „ypatingojo sąrašo normos“, o tarnautojams – „pramonės darbuotojų normos“, 17-ai tūkstančių žmonių buvo padidintas maisto kortelių limitas, atsidarė 25 komercinės parduotuvės ir pan.

Iš pradžių atrodė, kad sritį pagaliau pasiekė ilgai lauktas Centro palankumas. Amžininkai prisimena, kad visi keliai į Kaliningradą „buvo užgrūsti sąstatais su kombainais, traktoriais ir mašinomis“.

Tačiau netrukus šis sriautas pradėjo sekti. 1947 m. duomenimis, buvo visiškai nutraukta srities įmonių aprūpinimo specialistais ir kvalifikuotais darbininkais programa. Darbo jėgos trūkumas dar labiau išaugo, kadangi 1947–1948 m. per 100 tūkstančių vokiečių gyventojų buvo deportuota į Vokietiją.

Karinė valdžia kaip ir anksčiau sabotavo perduodant civilinei valdžiai pastatus, įrenginius ir žemės ūkio įmones. Ministerijos ir žinybos nevykdė planų skirti fondus, netiekė įrenginių, žlugdė pramonės įmonių paleidimą laiku.

Praėjus metams, kai galutinai paaiškėjo, kad nė trupučio nepavyksta priartėti prie *Stalino plano* numatytų rodiklių, apie jį [planą] būdavo prisimenama vis rečiau, o veikiai ir iš viso patyliukais jis buvo užmirštas, išbraukus pačią sampratą iš propagandos.

Stalino plano pasirodymas reiškė staigų istorinį jaunos Kaliningrado srities posūkį. Tai buvo posūkis link geresnio gyvenimo: nuo bado ir skurdo link daugiau ar mažiau sovietinės liaudies socialinės apsaugos standartų; nuo likusių materialinių vertybių beprasmių naikinimo ir grobstymo, kariškių savivalės ir ypatingybės – link žmonėms įprastos „sovietinės valdžios“ sistemos kūrimo, santykinės tvarkos ir išmintingesnio ūkininkavimo; nuo nestabilumo ir buvimo šioje žemėje laikinumo jausmo – link ateities planavimo ir užtikrintumo.

Ivanovo kreipimasis į Staliną ir jo tragiška mirtis vietiniams valdžios vyrams tapo nepamirštama pamoka: vėlesniais metais santykiuose su Maskva vietinis politinis elitas elgėsi ypač delikačiai ir bevelijo apskritai nereikšti Centrai jokių pretenzijų, kartu nutylėdamas tikrąją padėtį ir apribodamas krašto vystymo[si] perspektyvas.

Stalinui visa ta istorija padarė labai slogų įspūdį, ir jis iki pat savo gyvenimo pabaigos asmeniškai daugiau nebesidomėjo Kaliningrado sritimi – savo nemylimu kūdikiu.